

УДК 72.01

Валеева-Сулейманова Г.Ф. – доктор искусствоведения, профессор

E-mail: valeeva_art@mail.ru

Харченко Н.Н. – студент

E-mail: nicholas.kharchenko@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зелёная, д. 1

**Новые объекты в архитектурно-исторической среде
бывшей Госпитальной слободы г. Казани
(ныне ул. Муштари, ул. Щапова, ул. Волкова, ул. Бутлерова)**

Аннотация

Статья посвящена проблеме проектирования новых объектов в архитектурно-исторической среде одного из центральных районов Казани. Сквозь призму современных архитектурных теорий раскрываются их соответствие исторически сложившейся градостроительной ситуации и уникальности «духа места», связь с традиционными архитектурно-декоративными приемами, выявляется общая архитектурно-стилевая тенденция, связанная с путями развития национально-региональной архитектуры.

Ключевые слова: архитектурно-историческая среда, национально-региональная архитектура, градостроительная ситуация, «дух места», постмодернизм, средовой подход.

Признание архитектурно-исторической среды в качестве комплексного памятника человеческой цивилизации, культуры и архитектурно-художественного творчества в период после Второй мировой войны стало причиной появления новых направлений в теории и практике архитектурной реконструкции и реставрации. Деятельность в сфере проектирования объектов в исторически сложившихся параметрах архитектурно-исторической среды и рефлексия на них, как со стороны экспертной, так и общественной критики, стали причиной появления новых концепций, прикладных моделей и международных Хартий (Венецианская, Пекинская и др.). В их задачи входили выявление и корректировка недостатков, новые парадигмы в постановке теоретических проблем и выработка новых направлений. Одной из главных идей во всех этих документах стало положение о контексте места («духе места»), вызванное необходимостью гармоничного включения новых объектов в существующую архитектурно-пространственную среду. Сегодня новые объекты в архитектурно-исторической среде городов подвергаются рефлексии и критике, обусловленных новыми идейными позициями. Эти цели преследуются и авторами данной статьи.

Актуальность работы обусловлена осмыслением современных теоретических подходов применительно к существующей архитектурной практике в г. Казани.

Цель: выявить регионально-национальный аспект проблемы проектирования новых объектов в архитектурно-исторической среде города.

Задачи:

- осуществить комплексный анализ объектов, спроектированных для конкретной архитектурно-исторической среды;

- раскрыть направления и тенденции в практике проектирования новых объектов в исторической среде Казани.

В соответствии с поставленной проблемой были выбраны новые объекты в архитектурном пространстве казанских улиц: Муштари, Щапова, Бутлерова, Волкова. Ранее районы, образованные улицами Щапова и Муштари, назывались Старо-Горшечной и Ново-Комиссариатской слободами. Последняя была окраиной Госпитальной слободы, территория которой была освоена уже в XVII в. В ней находились военные медицинские учреждения и, в дальнейшем, эта часть города развивалась в таком же функциональном направлении, с которым и было связано название слободы. Рассматриваемая нами территория примыкала также к границам Красной слободы – самой престижной части города, которая начала застраиваться после покорения города Казани и включения ее в состав Российской империи. Надо отметить, что ранее на этом месте была территория

Арского поля, которая во времена Казанского ханства начиналось сразу же после посадской стены, и это место считалось самым благоприятным.

В письменных источниках и по данным исторической картографии Казани улица Старо-Горшечная существует уже с XVII в. Здесь жили горшечники, отчего и пошло название улицы. Она соединяла Арское поле и Рыбную площадь. Эта часть города была известна и как «латинский квартал», поскольку тут проживала студенческая молодежь и преподаватели медицинских учебных заведений [1].

Историческое развитие привлекаемой к анализу части города отразилось как в архитектурных, так и градостроительных особенностях. В целом, специфику этой территории с точки зрения ее пространственно-функциональных параметров можно определить, как достаточно уединенную и камерную. Отличительной чертой пространства Госпитальной слободы является феномен «растворения» ее архитектурно-исторической среды в ландшафте. Он проявляется в следующем: несомкнутая фронтальная застройка улиц; здания расположены на разном расстоянии от красной линии; большое количество зелени, много огражденных палисадников. Таким образом, данное место отличается разнообразием визуальных образов и многообразием восприятия средовых пространств и объектов. В целом, здесь сформировалась комфортная для проживания среда.

Переходя к описанию внешнего вида зданий, расположенных на данной улице, можно выделить архитектурный облик группы медицинских заведений. Часть из них построена из красного кирпича в конце XIX в. Экстерьеры этих зданий исполнены в стиле эклектики и модерна [2]. Ряд архитектурных зданий построены в 1930-1950-е гг. в стиле «сталинского» классицизма». Так же есть современные постройки 2000-х годов, среди которых мы привлекаем к анализу жилищный комплекс «Вишневый Сад» (рис. 1).

Данный объект расположен на пересечении улиц Ульянова-Ленина и Муштари, но его архитектурный объем более значим для пространства последней улицы, поскольку она сохранилась в более целостном и естественном с точки зрения архитектурно-исторической среды виде. Следует отметить, что архитектура зданий, расположенных в пространстве данной улицы, разновременная и представляет различные стили, такие, как эклектика, классицизм, «сталинский ампи́р» и др. Во внешнем оформлении зданий преобладают кирпично-красные и светлые белые тона. Недаром некоторые из местных краеведов называют улицу «музеем под открытым небом».

Рис. 1. ЖК «Вишневый Сад». Авторы проекта: архитекторы Токарева Г.Ш., Токарев В.С.
Заказчик: ЗАО «АС-КОМ». Год сдачи: 2009

Возвращаясь к объекту анализа, в первую очередь, следует рассмотреть уместность его объемно-планировочного решения в рамках обозначенной среды. Комплекс «Вишневый Сад» состоит из двух жилищных зданий. Первый объект примыкает к окружающим его улицам, представляя собой прямоугольный в плане объем, пятиэтажное здание с внутренним двором. Второй – шестизэтажное прямоугольное здание, выходящее двумя сторонами к параллельным улицам и одной стороной примыкающее к первому зданию. Таким образом, образуется, своего рода, переулочек между двумя постройками, хотя в пространстве улицы Муштари подобных переулочков не встречается. На наш взгляд, уместнее было бы использовать принцип адаптации, расположенных сбоку от рассматриваемого объекта

построек, в такого же типа градостроительную ситуацию. Имеется в виду здание школы, возведенной в конце XIX в., и, расположенной рядом с ней, постройки, образующих внутренний двор. Они удачно вписались в заданную пространственную среду за счет удачно найденных планировочных решений и композиционных связей. Проблема нового объекта в исторической среде, по-видимому, связана с иным пониманием проектной ситуации, на которое повлияли советский опыт с его издержками типового проектирования и характерное для текущего времени модернистское мышление [3]. Влияние последнего на проектные решения современных архитекторов убедительно описывает и подтверждает на примерах известный западный архитектор и теоретик Ч. Дженкс [4].

Переходя к описанию внешнего вида комплекса, следует отметить, что экстерьеры выполнены в характерной постмодернистской стилистике, оформлены с использованием охристо-серой цветовой гаммы облицовки в сочетании со светло-серыми металлическими деталями, обогащающими пластику фасадов. Следует отметить идею использования деревянных прямоугольных колонн по периметру фасада углового здания, имитирующих стволы деревьев, как бы произрастающих от первых до последних этажей. Данный мотив отражен в названии объекта – «Вишневый сад» и ассоциируется с реальным вишневым садом, произраставшим в данном уголке улицы. Колонны, выполненные из дерева, соотносятся с материалом фасадов соседних деревянных двухэтажных домов, относящихся к концу XIX в.

Данное проектное решение укладывается в рамки такого направления постмодернизма, как контекстуализм (по Ч. Дженксу). Его основной характеристикой является связь с «духом места» – выражение в объекте не только архитектурных параметров, но и истории локального места [4]. Все вышеуказанное, вкупе с горизонтальным членением фасадов на три части, и использованием круглых, орнаментированных под рисунок стволов, деревянных колонн, расположенных по углам здания, способствует гармоничному и более мягкому вписыванию внешних параметров объекта в сложившуюся архитектурно-историческую среду.

В другом участке пространства улицы Муштари, находящемся на пересечении с улицей Шапова, можно видеть иной метод включения нового объекта в архитектурно-историческую среду (рис. 2). Прежде всего, следует отметить отличительные пространственные черты данного участка улицы Муштари, а также раскрыть основные архитектурно-исторические параметры улицы Шапова. Надо заметить, что находящийся напротив анализируемого нами объекта, представляющего собой угловое здание на пересечении улиц Шапова и Муштари, так называемый Лядской сад входил в территорию упомянутого выше Арского поля. Улица Муштари (бывшая Комлева) расположена на границе бывшей Красной слободы, которая начала осваиваться после взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. Слово «красный», в русском языке означало красивую престижную часть города. Здесь были дома и постройки состоятельных и привилегированных горожан, государственных служащих. Первыми здесь поселились крупные помещики. По историческим сведениям, застройка осуществлялась усадьбами городского типа, поучившими распространение в XVIII в. [1].

Рис. 2. ЖК на ул. Муштари. Генпроектировщик: ООО «Проектная мастерская «Велп».
Заказчик: ООО «Управляющая компания «ЭнергоИнвестКапитал». Год сдачи: 2012

Следует отметить, что рассматриваемый нами фрагмент улицы застраивался по плану архитектора В.И. Кафтырева, который был позднее скорректирован архитектором Ф.И. Петонди. Надо добавить, что план В.И. Кафтырева был утвержден на совете в Санкт-Петербурге без каких-либо поправок [1]. Этот факт свидетельствует о глубоко продуманном архитектурно-градостроительном замысле пространства улицы. Что касается улицы Щапова, то основными объектами ее исторической застройки являются одно- и двухэтажные дома из красного кирпича и белого камня.

Рассматриваемый участок улицы Муштари отличается, относящимися к исторической застройке, одно и двухэтажными каменными зданиями. Фасады этих зданий оштукатурены, преимущественно, в светлые тона и декорированы лепными узорными деталями. Их внешний облик дополняется разными видами ограждений – ажурными металлическими и глухими деревянными заборами. Следует отметить, что здания на обеих улицах были воздвигнуты на определенном расстоянии друг от друга, расположены в относительно свободном пространстве. Необходимо учитывать данную специфику застройки при анализе включенности проектного решения нового объекта в архитектурно-историческую среду.

Прежде всего, следует обозначить расположение нового объекта, состоящего из комплекса двух жилых зданий, в выделенном фрагменте улицы Муштари. Угловой объем здания имеет большую высоту и акцентирует пересечение улиц Муштари и Щапова. Его основной, длинный по протяженности фасад, выходит на улицу Муштари. Вследствие этого здания комплекса находятся в двух разных градостроительных ситуациях. Подобная, часто встречающаяся, градостроительная ситуация была проанализирована теоретиком архитектуры А.С. Щенковым в изданной совместно с А.Ю. Беккер книге «Современная городская среда и архитектурное наследие». Наш объект находится на двух улицах и их пересечении. В труде А. Щенкова данная ситуация обозначена, как «улица и пересечение улиц – перекресток» [4]. Вследствие этого, включенность в среду следует рассматривать, исходя из параметров каждой улицы, и сделать вывод, отвечающий условиям каждой из них.

Степень включенности в среду следует рассматривать, исходя из параметров каждой улицы, и сделать вывод, отвечающий условиям каждой из них.

Переходя к рассмотрению архитектуры жилого здания, следует раскрыть специфику его объемно-пространственной композиции и стилистику фасада. Оно возведено из крупных стеклянных и керамогранитных блоков с сугубо технократическими формами и абстрактного характера геометрическими узорами, контрастными цветовыми сочетаниями в декоре. Данное решение, отражающее иной, по сравнению с первым примером, принцип включенности в существующую среду, можно соотнести с предложенным теоретиком Ранинским Ю.В. так называемым третьим направлением. Оно связано с архитектурной реконструкцией городских районов с утраченной исторической средой и касается объектов в своей архитектуре сохраняющих объемные членения и контурные линии исторической среды, но решенных в подчеркнута современных формах [6]. В подтверждении правомочности в данной архитектурно-исторической среде рассматриваемого нами объекта, как протяженного комплекса зданий, можно привести следующий аргумент Ранинского: *«Это тоже дань традиции – историческая среда отдаленных эпох XIX-XVIII веков тоже состояла из единообразных звеньев, порожденных идентичностью материалов, близким уровнем материального достатка владельцев, пониманием необходимости художественной общности форм подобной застройки»* [6, С. 61-62].

Однако анализируемый нами объект не вполне соответствует вышеупомянутому третьему направлению принципа включенности в историческую среду, поскольку одним из основных его требований является сохранение объемных членений архитектурной среды, чего не наблюдается в объемно-пространственном решении комплекса ни по горизонтали, ни по вертикали. За свой довлеющий масштаб и высоту, оно не случайно в народе получило название «китайской стены». Кроме того, фасад здания дробится выступающими и нависающими над тротуаром объемами, что не встречается в архитектурных объемах зданий, находящихся на данной улице.

Таким образом, появилась новая, диссонирующая со сложившейся архитектурной средой образность. Данную проблему можно усмотреть в несоблюдении пропорций и масштабов объекта и существующих зданий. Проблема соблюдения пропорций между членениями объема и размерами окружающих новый объект зданий достаточно широко обсуждаемая и анализируемая. Например, в труде теоретика архитектуры А.А. Зайцева

«Контекстуализм, как стилистическое течение в архитектуре конца XX-начала XXI вв.» она рассматривается как один из приемов средовой адаптации нового объекта к архитектурно-исторической среде [7].

Говоря об экстерьере зданий нового объекта на пересечении улиц Муштари и Щапова надо отметить, что фасады обоих объемов акцентируют на себе внимание авангардной модернистской пластикой. Крупные, выступающие и заглубленные плоскости фасадов, прямоугольные формы, чередующихся по высоте здания, контрастная динамика всей композиции фасадов свидетельствуют о том, что внешний облик здания самоценен и независим от «духа места», он противоречит масштабным закономерностям и гармоничным пропорциям, присущим историческим зданиям, их декоративному убранству. Выступающие фасадные плоскости нового объекта облицованы многоцветными керамогранитными плитками с яркими контрастными сочетаниями, диссонирующими с рядом стоящими старинными зданиями. Фактически в архитектурно-исторической среде появилась дисгармония, нарушающая ее гармоничное пространство. По-видимому, авторы проекта хотели связать выбранную цветовую палитру фасадов (коричневые, желтые, красные и зеленые тона) с природной окраской деревьев, находящегося поблизости Лядского сада и этой ассоциативной имитацией пытались привнести в облик зданий радостное эмоциональное настроение.

Относительно планировочного решения объекта следует отметить, что комплекс состоит из двух объемов, между которыми (с улицы Муштари) есть проход во двор к ранее построенным объектам. Этот фрагмент комплекса в общем решении застройки улицы является позитивным примером проектного решения. Данный прием адаптации в среде можно было бы использовать при проектировании предыдущего объекта. Следует отметить позитивный момент в решении углового объема, выходящего на перекресток. Ярусно поднимающиеся, друг над другом этажи, центральный из которых достигает высоты в восемь этажей, образуют доминантный в пространстве улицы объем. Такое проектное решение вполне уместно в данной градостроительной ситуации и положительно сказывается на пространственной ориентации в границах квартала. В данном случае сохраняется, выделенный А.А. Зайцевым, ансамблевый принцип преемственности – способ взаимосвязи нового объекта с исторической средой в целом, или между отдельными зданиями в составе разновременного ансамбля. Этот, используемый в новейшей архитектуре, принцип соответствует приемам средовой адаптации, выработанным в значимых исторических архитектурных ансамблях [7].

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что данный новый объект не имеет привязки к «месту», его можно использовать в любой безотносительной, с точки зрения сложившегося пространства, среде. По приемам средовой адаптации и проектным решениям данный объект близок к принципам московской школы «средового подхода» 1990-2000-х гг., описанным А.Ю. Броневицкой. Он имел место в практике проектирования, в силу не разработанности модели «средового подхода» и возможности обходить регламенты проектирования новых объектов в архитектурно-исторической среде [8].

Рис. 3. ЖК «Курашова». Авторы проекта: Григорьев О.Д., Насыров Р.С.
Заказчик: ОАО «СПЕЦКАУЧУКРЕМСТРОЙ». Год сдачи: 2012

Обратимся к еще одному примеру размещения нового объекта в архитектурно-исторической среде центра Казани – многоквартирному дому на перекрестке улиц Волкова, Бутлерова и Курашова (рис. 3). В этом объекте совмещаются градостроительный и формообразующий аспекты поставленной нами проблемы. Следует отметить важную, отличительную черту окружающей территории – это свободное размещение зданий в обозначенном городском пространстве.

Анализ объемно-композиционного решения данного объекта следует осуществлять с учетом двух точек обозрения: 1) фронтальной, когда она рассматривается в композиции с фронтальной застройкой улицы в ситуации перекрестка; 2) угловой, при которой объект воспринимается в композиции с рядом расположенными зданиями в глубине участка. Стоит отдельно отметить, что данный комплекс дворовым фасадом открывается к скверу, который выходит на улицу Волкова. При фронтальном обозрении объект предстает в виде здания башенного типа, при угловом обозрении – в виде углового объема. При пристальном рассмотрении, с последней точки, обнаруживается нарушение расположения объекта в существующей архитектурной среде, поскольку в ней объемы исторических зданий закрыты фасадом, выходящим на фронтальную застройку улиц. Данное несоответствие можно было исправить ленточным остеклением по вертикали на всю высоту постройки, в месте смыкания двух объемов, что визуально разделило бы две части объекта.

При его восприятии с первой точки обозрения можно выделить как положительный, так и негативный моменты. Первый заключается в том, что объем постройки, включенной в перекресток, за счет своей высоты становится локальной доминантой. Это положительный момент включения в среду, который был описан выше. Негативный момент заключается в ориентации объема нового объекта относительно улицы или перекрестка, что связано с расположением исторических зданий. В данной ситуации, на наш взгляд, уместнее было бы включить объем сооружения во фронтальную застройку улицы использованием более сложной формы ступенчатого фасада. Это позволило бы более органично отразить специфику сложившейся архитектурно-исторической среды. Тем не менее, данный объект является удачным примером размещения многоквартирного дома в архитектурно-исторической среде города, поскольку он является значимым акцентом в перспективе трех улиц, а также примером правильного решения объемно-пространственной композиции, вследствие чего он гармонично вписывается в среду и в соотношение высот находящихся рядом зданий.

Главным и положительным аспектом архитектуры данного объекта стал его объем, включенный во фронтальную застройку улицы. Ведущим мотивом оформления фасада являются стрельчатые арки, являющиеся элементом, выделенного историком архитектуры С.С. Айдаровым, так называемого третьего – центрально-восточного компонента в архитектурно-историческом наследии Татарстана [9]. Арки оформляют фасады по всей высоте здания, которое завершается куполом в виде открытой конструкции. Ленточное остекление фасада, включенного во фронтальную застройку улицы, придает ему легкость, которая усиливается светлым тоном цветового решения экстерьера, смягчающего крупные масштабы комплекса.

Данный объект, использующий мотивы национальной татарской архитектуры в решении пластики фасадов, следует отнести к научно разработанному в теории постмодернизма Ч. Дженксом [4] направлению «воспроизведения местных особенностей». Следует отметить и то, что за выразительной пластикой фасада скрывается обычный девятиэтажный дом. Поэтому данный объект можно отнести к архитектурным примерам, спроектированным в рамках «средового подхода» и относящимся к явлениям архитектуры постмодернизма.

В заключение, необходимо отметить, что большое число новых объектов, появившихся в архитектурно-исторической среде Казани, в целом удовлетворяют ее характеристикам. Кроме того, просматривается позитивная динамика по связям архитектуры зданий с семантическим содержанием того или иного места и города в целом. Несмотря на общую положительную оценку, все же, следует отметить влияние индустриального мышления, как в архитектурной практике проектирования, так и в используемых материалах для отделки фасадов.

В объемно-пространственном решении рассмотренных нами новых объектов, за исключением последнего из них, принципы формообразования, характерные для традиций национально-региональной архитектуры не выявляются. Это в целом снижает параметры своеобразия архитектурно-исторической среды города, имеющей как культурный, так и туристический потенциал. Следовательно, необходимы теоретические и практические разработки по развитию национальных традиций в архитектуре новых объектов.

Список библиографических ссылок

1. Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. – Казань: «Заман», 2001. – 208 с.
2. Айдарова Г.Н., Морфологический анализ городских пространств старой Казани и вопросы проектирования в исторически сложившейся среде // Методические указания к самостоятельной работе по курсовому и дипломному проектированию для студентов IV и V курсов специальности 2901. – Казань: 1988. – 28 с.
3. Раппапорт А.Г. Ситуация в мировой архитектуре XXI века. Часть 10. URL: http://papardes.blogspot.ru/2011/08/blog-post_7607.html. (дата обращения: 27.09.2014).
4. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. – М.: «Стройиздат», 1985. – 136 с.
5. Беккер А.Ю., Щенков А.С. Современная городская среда и архитектурное наследие: Эстетический аспект // ЦНИИТИА. – М.: «Стройиздат», 1986. – 204 с.
6. Раппапорт А.Г. Городская среда и драматургия архитектурной композиции // Проблемы архитектурной композиции. – М.: ЦНИИТИА, 1972.
7. Зайцев А.А. Контекстуализм, как стилистическое течение в архитектуре конца XX-начала XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. арх.: 05.23.20. – Н. Новгород: НГАСУ, 2013. – 25 с.
8. Бронуицкая А.Ю. Благие намерения: история средового подхода // Проект Россия, 2007, № 43.
9. Айдаров С.С. Архитектурный регионализм национальной республики Татарстан: раскрытие истоков и концепция современного отражения // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие и перспективы. – Казань: АН РТ, 2003. – С. 17-37.

Valeeva-Suleymanova G.F. – doctor of arts, professor

E-mail: valeeva_art@mail.ru

Kharchenko N.N. – student

E-mail: nicholas.kharchenko@gmail.com

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

New objects in historic architectural environment of previous Gospitalnaya Sloboda in Kazan city (now Mushtary, Tschapova, Volkova, Butlerova streets)

Resume

Article is dedicated to the problem of new objects planning in the historic architectural environment of one of the central districts in Kazan. The accordance to historically existing town-planning situation and to unique «spirit of place» is exposed in the light of modern architectural theories. The general stylistic tendency, linked to the development of national-regional architecture is revealed. The activity on the field of objects designing in the historically laid together situation of architectural environment and the reflection on it both on the part of expert, so public criticism, caused the emergence of new concepts, applied models and International Charter (Venice, Beijing, etc.). The goals that are pursued by the authors are to show and analyze the objects in the situation of historical environment due to the new ideological positions and to identify successful and unsuccessful practice. One of the aims is to reveal directions and trends in the new facilities of objects designing, according to the situation of one of the central historical parts of Kazan, so called Gospitalnaya sloboda. Article brought tree examples of the recently designed objects, each of which discloses specific aspects of the inclusion in the historical

environment. Despite overall positive assessment, it should be noted the impact of industrial thinking, both in architectural design practice as well as in the materials, used for the facades. The authors revealed the problem of architectural forms organization principles, according to the traditions of national-regional architecture, which reduces the originality and peculiarity of architectural view of the city with its cultural and touristic potential.

Keywords: historic architectural environment, national-regional architecture, town-planning situation, «spirit of place», theory of postmodernism, environmental approach.

Reference list

1. Bikbulatov R., Mustafin R., Kazan and its suburbs. – Kazan: «Zaman», 2001. – 208 p.
2. Aydarova G.N. Morphological analysis of civil spaces of old Kazan and construction issues in historically-developed environment // Methodical instructions for self-guided work on course and graduation designing for 4-5 year students of the speciality 2901. – Kazan, 1988. – 28 p.
3. Rappaport A.G. Situation in the world architecture of the 21st century. Chapter 10, 2014. URL: http://papardes.blogspot.ru/2011/08/blog-post_7607.html. (reference date: 27.09.2014).
4. Jenks C., Language of postmodern architecture. – M.: «Stroyizdat», 1985. – 136 p.
5. Bekker A.Y., Shenkov A.S. Modern city environment and architectural heritage: Asthetic // Central Science and Research Institute of architectural theory and city-planning. – M.: «Stroyizdat», 1986. – 204 p.
6. Rappaport A.G. Urban Environment and dramaturgy of architectural composition // Problems of architectural composition. – M.: Central Science and Research Institute of architectural theory and city-planning, 1972.
7. Zaycev A.A. Contextualism as a stylistic stream in the architecture of the end of the 20th – beginning of the 21st century: Thesis Work: 05.23.20. – Nizhniy Novgorod: NNSUAC. 2013. – 25 p.
8. Ronovitskaya A.Y. Benevolent intentions: history of environmental approach // Project Russia, 2007, № 43.
9. Aydarov S.S. Architectural Regionalism of the national Republic of Tatarstan: revelation of origins and concept of reflection // Regional and national aspects of the architecture: heritage and perspectives. – Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2003. – P. 17-37.